

Два эпизода из жизни Л. Толстого

2. Кое-что о похоронах... за девять лет до смерти

НОВЫЙ, XX век начался для Толстого трудно. 22 февраля 1901 года, в первое великопостное воскресенье, с амвонов российских церквей его имя было предано анафеме. Позже в статье, посвященной его памяти, В. И. Ленин даст предельно четкую оценку этому факту: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы синодниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки».

Гонение писателя вызвало возмущение всей прогрессивной России. В Ясную Поляну устремился мощный поток писем и телеграмм со словами ободрения и сочувствия. Под телеграммой из Киева стояло 1080 подписей студентов. Теплое послание из Чернигова подписал вместе с другими горожанами видный писатель-демократ Михаил Коцюбинский.

Но травля продолжалась по всем каналам. Царское правительство стремилось прежде всего отлучить писателя от народа: были запрещены публикации и выставления портретов Л. Н. Толстого. Все это удручающе действовало на писателя. Ко всему же другая беда: к страданиям духовным прибавились страдания физические — семидесятилетнему старику заболел тяжелой формой малярии, начало сдавать сердце. Тяжелое состояние Толстого вызвало тихую радость в коридорах власти: физическая смерть писателя — единственное, что могло заставить его замолчать. В министерстве внутренних дел с напряжением и тайной надеждой следят за состоянием здоровья Толстого, делают не-

обходимые приготовления на случай смерти. Во все крупные города летят шифровки:

«В случае кончины находящегося в крайне болезненном состоянии писателя графа Льва Толстого могут возникнуть ходатайства о чествовании его памяти и устройству посему разных собраний и вечеров. Необходимо отнестись к разрешению таких крайне осмотрительно: давать разрешение лишь известным благонадежным лицам, следить за неуклонным выполнением программ в пределах разрешенного и не допускать никаких демонстративных речей, действий и манифестаций».

Когда здоровье Толстого несколько улучшилось, врачи посоветовали ему сменить климат — отвести его на юг. 5 сентября 1901 года Лев Николаевич в сопровождении жены и дочери выехал в Крым, где по прибытии поселился на даче графини С. В. Паниной, в Гаспре. Живописная природа, здоровый морской воздух, хорошее лечение, радужный круг друзей возмели воздействие — больной шел на поправку. Здесь он встречался с Горьким, Чеховым, Бальмонтом и другими известными людьми.

Но в январе 1902 года начался новый приступ тяжелой болезни. Состояние больного с каждым днем ухудшалось и к февралю стало почти безнадежным. Без малого три месяца он находился между жизнью и смертью.

И снова в правительственных кабинетах поднимается зловещая возня вокруг имени Толстого. 29 января 1902 года во все концы России полетели шифрованные депешки.

«Ввиду распоряжения святейшего синода в случае кончины Льва Толстого не служить по нему панихиду, прошу распоряжения, чтобы в местных изданиях не разрешалось печатание каких-либо

объявлений о панихидах, а равно принять меры к устранению всяких демонстративных требований служения панихид. Подтверждаю также указания, сообщенные телеграммой товарища министра 4 июля».

Телеграмма подписана министром внутренних дел Сипягиным. Этот мракобес, конечно, не мог знать, что ему самому осталось жить чуть больше двух месяцев — 2 апреля на него будет совершено покушение, — он жаждал поскорее похоронить ненавистного писателя, возмутителя спокойствия в империи. В догонку первой депеше он шлет вторую, уточняющую отношение властей к возможному некрологу:

«В случае кончины графа Льва Толстого, не препятствуя помещению в изданиях некрологов, обзоров литературной деятельности при соблюдении объективности и осторожности, предлагаю не допустить сведений и рассуждений, имеющих отношение к постановлению синода».

Департамент полиции был настолько уверен в скорой кончине Толстого, что распорядился о перевозке тела в Ясную Поляну. Небезызвестный директор этого ведомства Зволянский послал соответствующую телеграмму симферопольскому губернатору. Полицией сообществу нет предела: была заготовлена впрок депеша обер-прокурору святейшего синода Пободоносцеву, инициатору и вдохновителю отлучения Толстого от церкви, с сообщением о действиях, предпринятых полицией в связи со смертью писателя. Заготовлена была также телеграмма екатеринославскому, харьковскому, курскому, орловскому и тульскому губернаторам настолько циничного содержания, что, пожалуй, стоит привести ее дословно:

«Тело графа Толстого перевозится из Ялты в Ясную Поляну. Отправление < > числа. Благоволите принять зависящие меры к воспрепятствованию каких-либо демонстраций по пути».

Директор Зволянский.

< > января 1902 г.»

Как видим, осталось только поставить даты...

Бюрократическая полицейская машина была заведена, распоряжения, отгнанные в ожидании смерти Толстого, шли сверху донизу. Какова реакция была на местах, можно проследить на примере николаевских властей.

В 1928 году, когда в Николаеве был закрыт бывший Адмиралтейский собор, краеведы нашли в нем любопытный документ на бланке местного градоначальника с интригующим грифом «совершенно секретно». Адресовался он настоятелю собора:

«В случае кончины писателя графа Толстого панихиду по нем не служить. Если же кто обратится к Вам с такой просьбой, сообщите мне о таких лицах в совершенно секретном порядке».

Дата этого документа — 22 февраля 1902 года. И на местах власти не дремали, в стиле тоже не изощрялись — следовали образцу, спущенному свыше. Однако расчетам реакционеров не суждено было подтвердиться — Лев Николаевич Толстой превозмог болезнь, прожил до 1910 года, и за это время успел сделать очень много, в частности, закончил свою лучшую повесть «Хаджи Мурат». Тщетные попытки похоронить писателя за девять лет до его смерти раскрывают крайне реакционную сущность царского правительства, для которого не существовало ничего святого.

Кончина Льва Николаевича Толстого на станции Астапово 7 ноября 1910 года взбудоражила всю прогрессивную Россию. Среди тысяч телеграмм, посланных на имя Софьи Андреевны Толстой, было много соболезнований от рабочих. Николаевские корабли, например, писали, что в знак траура приостановили на один день работу и присоединяют свою печаль к мировой скорби по случаю преждевременной потери великого художника и учителя.

В. АФАНАСЬЕВ.

Окончание. Начало см. в номере за 26 августа с. г.

КРАСНАЯ ПРАВДА

г. Симферополь

27 АВГ 1983